УДК 811.16
ББК 81.2-3

Корина Наталья Борисовна,
доктор филологических наук, профессор,
профессор кафедры русистики,
Университет им. Константина Философа,
Штефаникова 67, 949 74 Нитра, Словакия
E-mail: natkis2007@yandex.ru

РОДСТВЕННЫЕ НАИМЕНОВАНИЯ В СЛАВЯНСКОЙ ФРАЗЕОЛОГИИ

Аннотация: Основная цель данной статьи — сопоставление фразеологических единиц, содержащих наименования родства, в четырёх славянских языках: русском и белорусском — из восточнославянской группы, словацком и польском — из западнославянской группы. Материалом для исследования послужили данные национальных корпусов указанных языков (кроме белорусского, где корпуса нет), а также словарей и устной речи (записи из личного архива автора). Фразеология, содержащая наименования родства, разделена по тематическому и структурному принципам. Анализ производится на основании происхождения и частотности употребления фразеологических единиц, включённых в тематические группы.
Ключевые слова: славянская фразеология, наименования родства, русский язык, белорусский язык, словацкий язык, польский язык.

Наименования родства являются частью древнейшего лексического фонда всех языков мира, их возникновение и развитие связаны с эволюцией родо-племенных отношений и института семьи. Этим обусловлена этнокультурная специфика номинаций данного типа, которая складывалась в процессе развития этноса, закрепляя в языке определённые фрагменты картины мира. Различия в номенклатуре наименований родства в базовом лексическом фонде языков мира минимальны, однако их использование специфично, что проявляется прежде всего при употреблении данных наименований в образном (переносном) значении, прежде всего при метафоризации и вхождении в состав фразеологических единиц, что создаёт новые возможности семантического развития данных наименований. Поэтому во фразеологии разных народов мы наблюдаем различное использование родственных номинаций, несмотря на их идентичную представленность в лексическом фонде.

С типологической точки зрения особый интерес представляет изучение различий в использовании родственных номинаций как компонентов фразеологических единиц в генетически близких языках, где отличные черты могут быть связаны с теми фрагментами картины мира и ценностными установками этноса, которые

© Корина Н. Б., 2015

имеют этнокультурную специфику. Для проверки данного предположения произведём краткий обзор семантического развития фразеологии, связанной с названиями родства, в четырёх славянских языках, представляющих две языковых группы: белорусский и русский — восточнославянскую, словацкий и польский — западнославянскую. Частично будет привлекаться и материал украинского языка.

Фразеологический фонд славянских языков изучен в неодинаковой мере, поэтому на данном этапе полученные результаты не могут дать полной и объективной картины, и их следует считать предварительными. Для исследования нами избран метод эталонного синхронного сопоставления (термин Рудольфа Крайчовича, см. [6]), где за эталон взят материал русского языка, последовательно сравниваемый с белорусским, польским и словацким языками. Материал отбирался из трёх типов источников: 1) фразеологические словари — национальные и переводные; 2) национальные электронные корпусы (за исключением белорусского языка, где корпус пока не создан); 3) примеры из обиходной речевой практики по данным личной картотеки автора (см. список источников). Основой для сопоставления послужила сплошная выборка из академического «Словаря-тезауруса современной русской идиоматики» ([14], далее СТСРИ), дополненная данными словарей и корпуса и последовательно сопоставленная с материалом трёх остальных рассматриваемых языков. Выбор СТСРИ обусловлен тем, что в нём, кроме традиционной, зафиксирована современная идиоматика, вошедшая в русский язык в конце XX в.

При отборе фразеологических единиц (ФЕ) мы не ограничивались формальными признаками (наличие наименования родства в составе ФЕ), но учитывали и семантический признак, включая в поле рассмотрения ФЕ, обозначающие различные типы родственных отношений или указывающие на их отсутствие независимо от наличия в их составе наименования родства. Критерием фразеологичности нам служила в первую очередь устойчивость употребления рассматриваемой номинации, т. е. фразеологию мы рассматриваем в её широком понимании, включая наименования терминологического характера типа *крёстная мать* и различные виды паремий. Все указанные единицы в целом рассматриваются как ***фразеологические родственные номинации***.

Полученный материал можно разделить на тематические подгруппы по характеру обозначаемых родственных отношений, включая неофициальные, с учётом степени родства. В сферу рассмотрения включены также наименования родства в переносном значении — по духу, взглядам, идеям и т.п., поскольку с интралингвистической точки зрения они входят в семантическое поле фразеологических родственных номинаций (например, *плоть и кровь* во втором значении), а с экстралингвистической точки зрения духовное родство занимает исключительно важное место в аксиологии русского социума: оно условно приравнивается к родству биологическому, но ценится значительно выше. Таким образом, основа для сопоставления (эталон) приобретает следующий вид[1].

[1] В круглых скобках даны ФЕ, не включённые в СТСРИ, но содержащиеся в корпусе и фиксируемые в словарях и в обиходной речевой практике; в квадратных скобках указаны факультативные компоненты ФЕ; ломаной линией отделены варианты ФЕ.

Классификация фразеологических родственных номинаций по характеру родственных отношений:

1) Кровное родство (в переносном смысле — духовное родство):
   а) без указания на законность/незаконность отношений:
   - *плоть и кровь* высок. 1) ʻродной ребёнок, о кровном родстве’; 2) ʻпорождение, детище кого-л., об идейном родстве’;
   - *(плоть от плоти [кровь от крови]/[кость от кости])* 1) ʻродной ребёнок, о кровном родстве’; 2) ʻпорождение, детище кого-л., об идейном родстве’;
   - *(кровные узы/узы крови)* высок. ʻкровное родство’;
   - *родная кровь* ʻкровное родство’;
   - *папина дочка* ʻдочь, похожая на отца (не только внешне, но и по характеру)’; любопытно, что нет «мужского» аналога типа **папин сын*;
   - *(маменькин сынок/сыночек)* экспр. ʻизбалованный, изнеженный мальчик или молодой человек’; аналогично *маменькина дочка*;

   б) с указанием на отсутствие или прекращение законных отношений:
   - *фестивальные дети, фестивальный ребёнок* ʻребёнок, появившийся после участия в молодёжных празднествах (отец бывает неизвестен)’;
   - *воскресный папа* ʻотец, не живущий в семье и общающийся с ребёнком по выходным’.
2) Близкое некровное родство (супруги, крестники...):
   - *крёстная мать, крёстный отец, (крёстные родители)* нейтр.[2];
   - *(моя половинка)* ʻсупруг/супруга’.
3) Дальнее родство (вплоть до отрицания родства):
   - *седьмая/десятая вода на киселе* народн. ʻдальний родственник’;
   - *любому/нашему забору двоюродный/троюродный плетень* народн. 1) ʻочень дальний родственник’; 2) ʻчужой человек’.
4) Отношения или состояния, возникшие на базе родственных связей (в т. ч. в переносном значении):
   - *отрезанный ломоть* 1) ʻчеловек, отделившийся от семьи, ставший самостоятельным’; 2) ʻчеловек, порвавший связь с привычной средой, с привычным образом жизни, привычной деятельностью’;
   - *(бедный родственник)* — изначально ʻнеимущий родственник, находящийся в зависимом положении от того, на чьём иждивении живёт’, но в современном русском языке данная ФЕ приобрела значение ʻизлишне стеснительный, не в меру скромный’, особенно в сочетании *как бедный родственник* ʻробко, неуверенно’, которое стало самостоятельной ФЕ;
   - *[Иван] не помнящий родства* 1) ʻпорвавший все связи с воспитавшей его средой, с родными, близкими ему людьми’; 2) ʻотказавшийся, отступивший от своих прошлых убеждений, верований и т.д.’; 3) ʻотносящийся с пренебрежением или полным безразличием к своим предшественникам, к воспитавшей его среде, к прошлому своей родины и т.д.’;

---

[2] О приобретении нового значения ФЕ *крёстный отец* см. ниже.

- *(без роду без племени/ни роду ни племени)* ʻбез родных и близких, одинокий' (здесь мы не принимаем во внимание ФЕ типа *один как перст*, поскольку они обозначают одиночество как состояние, не обязательно связанное с наличием или отсутствием родственных отношений);
- *соломенная вдова иноск.* ʻжена, временно оставшаяся без мужа или не живущая с ним'; аналогично *соломенный вдовец*;
- *(чёрная вдова)* ʻженщина, похоронившая более двух мужей' (по русским поверьям). В мире чёрными вдовами называют также женщин, убивающих своих мужей или сожителей (независимо от количества).

Всего по данным рассмотренных источников в русском языке зафиксировано 19 фразеологических родственных номинаций, не считая вариантов по роду и структуре. В нашем списке не присутствует только одна из них, приведённая в СТСРИ, — *шнурки в стакане* жарг. ʻродители дома', поскольку значение ФЕ как целого не является родственной номинацией, а указывает на местонахождение. В СТСРИ данная ФЕ включена в соответствующую тематическую группу, поскольку содержит родственную номинацию — жаргонное наименование родителей *шнурки*.

При сопоставлении полученного эталона с остальными рассматриваемыми языками можно проследить общее и различное. **Общими** являются, как правило, ***древнейшие наименования***, связанные с традиционной структурой семьи, а также ***общие для всех славянских языков заимствования***, которые по происхождению можно разделить на следующие группы:

1) Библеизмы: рус. *плоть от плоти, кровь от крови, кость от кости, плоть и кровь*; бел. *кроў з крыві, з плоці і крыві*; словац. *krv z [jeho] krvi, kosť z [jeho] kosti*; пол. *krew z krwi, kość z kości*. Библеизмы, как правило, стилистически маркированы, имеют преимущественно книжный характер [3].

2) Фразеологические наименования, связанные с религиозными (христианскими) обрядами: рус. *крёстный отец, крёстная мать, крёстные родители*; бел. *хросны бацька, хросная маці*; словац. *krstný otec, krstná matka, krstní rodičia, krstný syn, krstná dcéra*; пол. *ojciec chrzestny, matka chrzestna, rodzice chrzestni, syn chrzestny, córka chrzestna*. Любопытно отметить, что наименования крёстных родителей и их крестников в славянских языках функционируют по разным моделям. Если крёстные родители во всех исследуемых языках могут параллельно обозначаться субстантивированным однословным наименованием *крёстный, крёстная, крёстные*, то их крестники именуются по-разному: в западнославянских языках параллельно с фразеологическими сочетаниями типа словац. *krstný syn*, польск. *córka chrzestna* употребляются однословные субстантивные наименования (словац. *krstniatko* (одно название для мальчика и девочки, грамматически среднего рода), польск. *chrześniak* и *chrześniaczka*), в то время как в восточнославянских языках однословные наименования преобладают: рус. *крестник* и *крестница*, бел. *хрэснік* и *хрэсніца*.

Как отмечалось выше, не все учёные относят устойчивые сочетания подобного типа к фразеологии [2], однако выражение *крёстный отец,* бесспорно, стало интернациональным фразеологизмом после выхода в свет одноимённого фильма

Ф. Ф. Копполы (1972), снятого по роману Марио Пьюзо «Крёстный отец» (1969), и приобрело новое значение — ‘главарь’. Роль кинематографа в создании и распространении новых фразеологических значений заслуживает отдельного рассмотрения: в частности, любопытную трансформацию претерпело и наименование *крёстная мать* благодаря выходу в свет популярного мультсериала «Шрек». Во 2-й серии появляется *крёстная фея*, реклама которой ассоциируется с фильмом «Крёстный отец» и намекает на могущество феи и её главенствующую роль в происходящем.

3) ФЕ, заимствованные из западноевропейских языков: нем. *Strohwitwe* — рус. *соломенная вдова, соломенный вдовец*; бел. *саламяная ўдава, саламяны ўдавец*; словац. *slamená vdova, slamený vdovec*; пол. *słomiana wdowa, słomiany wdowiec*. Любопытно, что в немецком данное наименование изначально касалось исключительно женщины [10, с. 124–125], однако в славянских языках по аналогии возникло подобное наименование и для мужчины.

4) Интернационализмы. К этой группе можно отнести частотные ФЕ, общие для разных славянских (и в целом европейских) языков, у которых затруднительно установить первоисточник: рус. *моя половинка*; бел. *мая палавінка*; словац. *moja polovička*; пол. *[moja] druga połówka* (англ. *my better half*)*;* рус. *маменькин сынок*; бел. *мамчын сынок*; словац. *matičkin synáčik*; пол. *mamusiny syneczek* (англ. *mother's boy/mama's boy*); рус. *чёрная вдова*; бел. *чорная ўдава*; словац. *čierna vdova*; пол. *czarna wdowa* (англ. *Black Widow*). О процессах интернационализации во фразеологии см., в частности, труды Н. Ф. Алефиренко [1].

Среди **специфически русских ФЕ**, которые не фиксируются в других языках и могут быть отнесены к безэквивалентным, можно выделить две группы:

1) Общеязыковые ФЕ: *[Иван] не помнящий родства; без роду без племени/ни роду ни племени; бедный родственник*.

2) ФЕ разговорно-просторечного характера: *фестивальные дети, воскресный папа* (а также жаргонное *шнурки в стакане*). Поиск семантических эквивалентов к ним затруднён в силу неодинаковой изученности современного состояния фразеологического фонда отдельных языков и разговорной речи. Данные ФЕ обладают ярко выраженной социокультурной спецификой.

К частично эквивалентным можно отнести ФЕ *папина дочка*, которая имеет эквиваленты только в близкородственных восточнославянских языках — белорусском и украинском: бел. *бацькава дачка*, укр. *батькова дочка.* В западнославянской группе данная ФЕ не фиксируется.

Кроме общих для всех рассматриваемых языков, наибольшее количество параллелей имеют: а) наименования дальнего родства (подробнее см. ниже); б) наименования отделившихся от семьи родственников (рус. *отрезанный ломоть*, бел. *адрэзаная луста/скібка/кавалак*, словац. *suchá ratolesť* — букв. ‘сухой росток’) и в) наименования кровных родственников (рус. *родная кровь*, бел. *родная кроў*, словац. *vlastná krv* — букв. ‘собственная кровь’). Здесь наблюдается преимущественно семантическая эквивалентность (полная или частичная) при менее выраженном формальном подобии. Интересно отметить, что в польском языке, как правило, наблюдаются ФЕ, общие с восточнославянскими языками и отсутствую-

щие в словацком. Данное наблюдение согласуется с результатами исследований Петры Фойту, которая проводила межславянские фразеологические сопоставления с учётом данных всех восточнославянских и западнославянских языков, включая лужицкие, и установила, что фразеологический фонд польского языка ближе к восточнославянским, чем к западнославянским языкам, причём представляет собой своего рода переходную зону между этими двумя группами славянских языков [5, с. 16–17]. Проиллюстрируем это на примере ФЕ *седьмая/десятая вода на киселе* ‘дальнее родство’ (см. таблицу 1).

Таблица 1 – ФЕ *седьмая вода на киселе*, её варианты и синонимы в славянских языках

Русский язык	Белорусский язык	Польский язык	Словацкий язык
седьмая/десятая вода на киселе	дзесятая/сёмая вада на кісялі*	dziesiąta/dziewiąta woda po kisielu**	–
любому/нашему забору двоюродный/троюродный плетень	–	–	–
–	стрэчнай бабкі родны Хведар	–	–
–	Пень гарэў, а чорт ногі пагрэў, іскра пала і радня стала	–	–
–	–	–	z desiateho kolena***
–	–	–	môjho koňa brat
–	–	–	dotkla sa žihľava plota [nuž sú rodina]

* Перевод белорусских ФЕ: десятая/седьмая вода на киселе; встречной бабки родной Фёдор; Пень горел, а чёрт ноги погрел, искра упала — и родня стала.

** Перевод польской ФЕ: десятая/девятая вода на киселе.

*** Перевод словацких ФЕ: из десятого колена; моего коня брат; коснулась крапива забора [вот и семья].

ФЕ *десятая вода на киселе* является общей для всех восточнославянских и польского языков и связана с технологией приготовления киселя — традиционного напитка восточных славян [10, с. 44][3]. Раньше кисель готовили в основном из овса: его замачивали, проращивали, а затем сушили и толкли в ступе, после чего солод заквашивали и процеживали. Выжатую гущу могли ещё раз или два залить водой и процедить через сито. Однако это был уже жидкий кисель, не похожий на первый слив. Естественно, ни семь, ни тем более десять сцеживаний никто не делал, иначе

[3] Тот факт, что кисель является традиционным напитком восточных славян, а данная ФЕ является частотной также в польском языке, свидетельствует в пользу вышеуказанных выводов П. Фойту [5].

получилась бы почти чистая вода. Поэтому изначально выражение *седьмая вода на киселе* воспринималось как гипербола.

Любопытно, что присутствующее в данной ФЕ число различается и по содержанию, и по частотности: в наиболее частотном русском варианте (в списке дан первым) — *седьмая*, в белорусском и польском — *десятая*. А вот второй вариант у всех разный: рус. *десятая*, бел. *седьмая* (наоборот), пол. *девятая*, что является национально специфичным [8]. Символика чисел — особая тема, рассмотрение которой не входит в рамки нашего исследования, однако стоит упомянуть, что числа *девять* и *десять* у всех славян употреблялись практически как синонимы к ʻмного', чаще всего применительно к расстоянию или количеству (иногда также с символическим троекратным умножением, означавшим практически неизмеримую величину), что широко отражено в славянском фольклоре, фразеологии и паремиологии: рус. *в тридевятом царстве, в тридесятом государстве*; *за тридевять земель*; пол. *za dziewięcioma górami*; словац. *mať [nápadníkov] na každý prst desať*; *devätoro remesiel, desiata bieda/psota* и т. д. [7; 20; 18 и др.].

Фразеологическим эквивалентом русской ФЕ *седьмая вода на киселе* в словацком языке является ФЕ *z desiateho kolena* (снова число десять!), а вот синонимы к ней во всех рассматриваемых языках различаются. Уникальными являются белорусские фразеологические синонимы *стрэчнай бабкі родны Хведар* и *Пень гарэў, а чорт ногі пагрэў, іскра пала і радня стала* [13], последний из которых является малоупотребительным. Частотность словацкого синонима *dotkla sa žihľava plota [nuž sú rodina]* и русской ФЕ *любому/нашему забору двоюродный/троюродный плетень*, также связанной с темой забора (= неприкаянности, ничейности), несколько выше, поскольку данные ФЕ фиксируются в корпусах словацкого и русского языков соответственно. Сложно установить употребительность словацкой ФЕ *môjho koňa brat*, которая была зафиксирована автором в устной речи двух носителей словацкого языка, однако тот факт, что эти люди не были знакомы, проживали в разных частях страны и были разного возраста и социального статуса, свидетельствует в пользу употребляемости данной ФЕ. В польском языке фразеологические синонимы нами не зафиксированы.

В заключение отметим, что даже в рамках одной тематической группы ФЕ — фразеологических родственных номинаций — проявляются некоторые общие закономерности развития фразеологического фонда славянских языков, подтверждённые многими исследованиями. Это, в частности, близость польской фразеологии к восточнославянскому ареалу, а также проявление национальной специфики у структурно близких ФЕ в наборе и частотности вариантов отдельных ФЕ. Кроме того, в современной фразеологии, отражающей смену общественной шкалы ценностей, представлены более свободные, чем раньше, семейные отношения, что иллюстрируют ФЕ *фестивальные дети/фестивальный ребёнок, воскресный папа*.

Завершить этот краткий экскурс хотелось бы словами Л. В. Щербы, предвосхитившими многие достижения современной лингвистики: «...мир, который дан нам в нашем непосредственном опыте, оставаясь всегда одним и тем же, пости-

гается различным способом в различных языках, даже в тех, на которых говорят народы, представляющие известное единство с точки зрения культуры» [4, с. 68]. В этом и состоит суть отражения человека в языке.

Сокращения:

англ. — английский
бел. — белорусский
нем. — немецкий
пол. — польский
рус. — русский
словац. — словацкий
укр. — украинский

Использованы также общепринятые сокращения стилистических словарных помет.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

1 *Алефиренко Н. Ф.* Фразеология в свете современных лингвистических парадигм. М.: Элпис, 2008. 272 с.
2 *Баранов А. Н., Добровольский Д. О.* Аспекты теории фразеологии. М.: Знак, 2008. 656 с.
3 *Дубровина К. Н.* Библейские фразеологизмы в русской и европейской культуре. М.: Флинта, 2012. 264 с.
4 *Щерба Л. В.* Языковая система и речевая деятельность. Изд. 2-е, стереотип. М.: Едиториал УРСС, 2004. 432 с.
5 *Fojtů P.* Frazeologické internacionalizmy v ruštine. Autoreferát disertační práce. Olomouc: Univerzita Palackého v Olomouci, 2013. 27 s.
6 *Krajčovič R.* Genetická interpretácia paralelizmov v slovanských jazykoch // Československá slavistika 1983. Lingvistika, historie. Praha: Academia, 1983. S. 23–30.
7 *Mlacek J.* O stave slovenskej frazeológie v druhej polovici 20. storočia // Studia Academica Slovaca 29. Prednášky XXVI. letného seminára slovenského jazyka a kultúry. Ed. J. Mlacek. Bratislava: Stimul, 2000. S. 328–351.
8 *Olchowa G.* Autostereotypy w przysłowiach polskich i słowackich // Parémie národů slovanských IV. Sborník příspěvků z mezinárodní konference konané v Ostravě ve dnech 20.–21.11.2008. Ostrava: FF OU, 2008. S. 157–164.

Словари

9 *Лепешаў І. Я.* Слоўнік фразеалагізмаў беларускай мовы. Каля 7 000 фразеалагізмаў: у 2 т. Мн.: Беларуская Энцыклапедыя імя Петруся Броўкі, 2008.
10 *Лепешаў І. Я.* Этымалагічны слоўнік фразеалагізмаў. Мн.: Народная асвета, 1981. Ч. 1. 160 с.
11 *Лепешаў І. Я.* Этымалагічны слоўнік фразеалагізмаў. Мн.: Народная асвета, 1993. Ч. 2. 200 с.
12 *Гюлумянц К. М.* Польско-русский фразеологический словарь. Свыше 11 000 словарных статей: в 2 т. Мн.: Экономпресс, 2004.
13 *Станкевіч Я.* Маленькі маскоўска-беларускі (крывіцкі) слоўнічак фразэолёгічны і прыказкаў ды прывітаньні, зычэньні і інш. 3-е выд. Мн.: Навука і тэхніка, 1992. 151 с.

14 Словарь-тезаурус современной русской идиоматики: около 8 000 идиом современного русского языка / Ин-т рус. яз. им. В. В. Виноградова РАН / под ред. А. Н. Баранова, Д. О. Добровольского. М.: Мир энциклопедий Аванта+, 2007. 1135 с.
15 Фразеологический словарь русского языка: свыше 4000 словарных статей / ред. А. И. Молотков. 3-е стереотип. изд. М.: Русский язык, 1978. 543 с.
16 Фразеологический словарь современного русского литературного языка: Свыше 35 000 фразеологических единиц: в 2 т. / ред. А. Н. Тихонов. М., 2004. 1664 с.
17 *Habovštiaková K., Krošláková E.* Frazeologický slovník. Človek a príroda vo frazeológii. Bratislava: Veda, 1996. 176 s.
18 *Smiešková E.* Malý frazeologický slovník. Bratislava: SPN, 1974. 296 s.
19 *Dorotjaková V., Ďurčo P. a kol.* Rusko-slovenský frazeologický slovník. 1. vyd. Bratislava: SPN, 1998. 670 s.
20 *Skorupka S.* Słownik frazeologiczny języka polskiego: w 2 t. Warszawa: Wiedza Powszechna, 1974.

Интернет-источники

21 http://korpus.juls.savba.sk – Slovenský národný korpus
22 www.nkjp.pl – Narodowy korpus języka polskiego
23 www.ruscorpora.ru – Национальный корпус русского языка

* * *

Korina Natalia Borisovna,
Professor, DSc in Philology.,
Constantine The Philosopher University,
Štefánikova 67, 949 74 Nitra, Slovakia
E-mail: natkis2007@yandex.ru

KINSHIP TERMS IN SLAVIC PHRASEOLOGY

Abstract: The main goal of this article is to compare phraseological units that contain kinship terms, in four Slavic languages: Russian and Belarussian from Eastern Slavic group, Polish and Slovak from Western Slavic group. The research is based on national language corpuses (except Belarussian language that doesn't have corpus) as well as on dictionaries and the data from the oral speech. Phraseology with the kinship terms is divided into groups according to thematic and structural criteria. The analysis is based on the origin and frequency of usage of phrasemes included in thematic groups.
Keywords: slavic phraseology, kinship terms, Russian, Belarussian, Slovak, Polish.

REFERENCES

1 Alefirenko N. F. *Frazeologija v svete sovremennyh lingvisticheskih paradigm* [Phraseology in the light of modern linguistic paradigms]. Moscow, Elpis Publ., 2008. 272 p.
2 Baranov A. N., Dobrovol'skij D. O. *Aspekty teorii frazeologii* [Aspects of phraseological theory]. Moscow, Znak Publ., 2008. 656 p.

3 Dubrovina K. N. *Biblejskie frazeologizmy v russkoj i evropejskoj kul'ture* [Bible phrasemes in Russian and European culture]. Moscow, Flinta Publ., 2012. 264 p.
4 Shherba L. V. *Jazykovaja sistema i rechevaja dejatel'nost'* [Language system and speech activity]. Izd. 2-e, stereotip. Moscow, Editorial URSS Publ., 2004. 432 p.
5 Fojtů P. *Frazeologické internacionalizmy v ruštine* [Phraseological internationalisms in Russian]. Autoreferát disertační práce. Olomouc, Univerzita Palackého v Olomouci Publ., 2013. 27 p.
6 Krajčovič R. Genetická interpretácia paralelizmov v slovanských jazykoch [Genetic interpretation of parallel phenomena in Slavic languages]. *Československá slavistika 1983. Lingvistika, historie* [Czech-Slovak Slavistics 1983. Linguistics, history]. Praha, Academia Publ., 1983, pp. 23–30.
7 Mlacek J. O stave slovenskej frazeológie v druhej polovici 20. storočia [On the situation in Slovak phraseology at the end of XXth century]. *Studia Academica Slovaca 29. Prednášky XXVI. letného seminára slovenského jazyka a kultúry*. Ed. J. Mlacek. Bratislava, Stimul Publ., 2000, pp. 328–351.
8 Olchowa G. Autostereotypy w przysłowiach polskich i słowackich [Autostereotypes in Polish and Slovak proverbs]. *Parémie národů slovanských IV*. [Paremia of Slavic peoples]. Sborník příspěvků z mezinárodní konference konané v Ostravě ve dnech 20.–21.11.2008. Ostrava, FF OU Publ., 2008, pp. 157–164.

Dictionaries

9 Lepeshaў I. Ja. *Sloўnik frazealagizmaў belaruskaj movy* [Dictionary of Belarussian phrasemes]. U 2-h tt. Minsk, Belaruskaja Jencyklapedyja imja Petrusja Brouki Publ., 2008.
10 Lepeshaў I. Ja. *Etymalagichny sloўnik frazealagizmaў* [Etymological dictionary of phrasemes]. Minsk, Narodnaja asveta Publ., 1981. Part 1. 160 p.
11 Lepeshaў I. Ja. *Etymalagichny sloўnik frazealagizmaў* [Etymological dictionary of phrasemes]. Minsk, Narodnaja asveta Publ., 1993. Part 2. 200 p.
12 Gjulumjanc K. M. *Pol'sko-russkij frazeologicheskij slovar'* [Polish-Russian phraseological dictionary]. V 2-h tt. Minsk, Ekonompress Publ., 2004.
13 Stankevich Ja. *Malen'ki maskoўska-belaruski (kryvicki) sloўnichak frazjeoljogichny i prykazkaў dy pryvitan'ni, zychjen'ni i insh* [A Little Moscow-Belarussian dictionary of phrasemes, proverbs, greetings etc.]. 3-e vyd. Minsk, Navuka i tehnika Publ., 1992. 151 p.
14 *Slovar'-tezaurus sovremennoj russkoj idiomatiki: okolo 8 000 idiom sovremennogo russkogo jazyka* [Thesaurus dictionary of modern Russian idioms: about 8 000 idioms from modern Russian]. In-t rus. jaz. im. V. V. Vinogradova RAN. Ed. A. N. Baranova, D. O. Dobrovol'skogo. Moscow, Mir enciklopedij Avanta+ Publ., 2007. 1135 p.
15 *Frazeologicheskij slovar' russkogo jazyka* [Phraseological dictionary of Russian language]. Ed. A. I. Molotkov. 3-e stereotip. izd. Moscow, Russkij jazyk Publ., 1978. 543 p.
16 *Frazeologicheskij slovar' sovremennogo russkogo literaturnogo jazyka: Svyshe 35 000 frazeologicheskih edinic* [Phraseological dictionary of modern Russian literary language: more than 35 000 phrasemes]. V 2-h tt. Ed. A. N. Tihonov. Moscow, 2004. 1664 p.
17 Habovštiaková K., Krošláková E. *Frazeologický slovník. Človek a príroda vo frazeológii* [Phraseological dictionary. Man and nature in phraseology]. Bratislava, Veda Publ., 1996. 176 p.

18 Smiešková E. *Malý frazeologický slovník* [A Little phraseological dictionary]. Bratislava, SPN Publ., 1974. 296 p.
19 Dorotjaková V., Ďurčo P. a kol. *Rusko-slovenský frazeologický slovník* [Russian-Slovak phraseological dictionary]. 1. vyd. Bratislava, SPN Publ., 1998. 670 p.
20 Skorupka S. *Słownik frazeologiczny języka polskiego* [Phraseological dictionary of Polish language]. W 2 t. Warszawa, Wiedza Powszechna Publ., 1974.

Internet resources

21 http://korpus.juls.savba.sk – National Corpus of Slovak Language
22 www.nkjp.pl – National Corpus of Polish Language
23 www.ruscorpora.ru – National Corpus of Russian Language